

Вестник

Томского государственного

университета

№ 361

Август

2012

- ФИЛОЛОГИЯ
- ФИЛОСОФИЯ, СОЦИОЛОГИЯ, ПОЛИТОЛОГИЯ
- КУЛЬТУРОЛОГИЯ
- ИСТОРИЯ
- ПРАВО
- ЭКОНОМИКА
- ПСИХОЛОГИЯ И ПЕДАГОГИКА
- НАУКИ О ЗЕМЛЕ

НАУЧНО-РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ ТОМСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

Майер Г.В., д-р физ.-мат. наук, проф. (председатель); **Дунаевский Г.Е.**, д-р техн. наук, проф. (зам. председателя); **Ревушкин А.С.**, д-р биол. наук, проф. (зам. председателя); **Катунин Д.А.**, канд. филол. наук, доц. (отв. секретарь); **Берцун В.Н.**, канд. физ.-мат. наук, доц.; **Воробьёв С.Н.**, канд. биол. наук, ст. науч. сотр.; **Гага В.А.**, д-р экон. наук, проф.; **Галажинский Э.В.**, д-р психол. наук, проф.; **Глазунов А.А.**, д-р техн. наук, проф.; **Голиков В.И.**, канд. ист. наук, доц.; **Горцев А.М.**, д-р техн. наук, проф.; **Гураль С.К.**, д-р пед. наук, проф.; **Демешкина Т.А.**, д-р филол. наук, проф.; **Демин В.В.**, канд. физ.-мат. наук, доц.; **Ершов Ю.М.**, канд. филол. наук, доц.; **Зиновьев В.П.**, д-р ист. наук, проф.; **Канов В.И.**, д-р экон. наук, проф.; **Кузнецов В.М.**, канд. физ.-мат. наук, доц.; **Кулижский С.П.**, д-р биол. наук, проф.; **Парначёв В.П.**, д-р геол.-минер. наук, проф.; **Портнова Т.С.**, канд. физ.-мат. наук, доц., директор Издательства НТЛ; **Потекаев А.И.**, д-р физ.-мат. наук, проф.; **Прозументов Л.М.**, д-р юрид. наук, проф.; **Прозументова Г.Н.**, д-р пед. наук, проф.; **Пчелинцев О.А.**, зав. редакционно-издательским отделом ТГУ; **Рыкун А.Ю.**, д-р социол. наук, доц.; **Сахарова З.Е.**, канд. экон. наук, доц.; **Слижов Ю.Г.**, канд. хим. наук, доц.; **Сумарокова В.С.**, директор Издательства ТГУ; **Сущенко С.П.**, д-р техн. наук, проф.; **Тарасенко Ф.П.**, д-р техн. наук, проф.; **Татьянин Г.М.**, канд. геол.-минер. наук, доц.; **Унгер Ф.Г.**, д-р хим. наук, проф.; **Уткин В.А.**, д-р юрид. наук, проф.; **Черняк Э.И.**, д-р ист. наук, проф.; **Шилько В.Г.**, д-р пед. наук, проф.; **Шрагер Э.Р.**, д-р техн. наук, проф.

НАУЧНАЯ РЕДАКЦИЯ ВЫПУСКА

Галажинский Э.В., д-р психол. наук, проф.; **Демешкина Т.А.**, д-р филол. наук, проф.; **Зиновьев В.П.**, д-р ист. наук, проф.; **Канов В.И.**, д-р экон. наук, проф.; **Кулижский С.П.**, д-р биол. наук, проф.; **Парначёв В.П.**, д-р геол.-минер. наук, проф.; **Прозументов Л.М.**, д-р юрид. наук, проф.; **Прозументова Г.Н.**, д-р пед. наук, проф.; **Черняк Э.И.**, д-р ист. наук, проф.; **Шилько В.Г.**, д-р пед. наук, проф.

Журнал «Вестник Томского государственного университета» включён в «Перечень российских рецензируемых научных журналов, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук» (http://vak.ed.gov.ru/ru/help_desk/list/)

ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ РОССИЙСКОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА О ПРАВЕ ПЕРЕДВИЖЕНИЯ ЕВРЕЕВ ВНУТРИ СИБИРСКОГО РЕГИОНА ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX – НАЧАЛЕ XX СТОЛЕТИЯ

Анализируются основные законы Российской империи о передвижении евреев в Сибири, действовавшие во второй половине XIX – начале XX столетия. Рассматривается реализация этих законов на практике, которая серьезно отличалась от законодательства в связи с особым положением Сибири, имевшей ряд изъятий в применении российских законов как место ссылки и колонизации. Особенности законоприменения дополнялись взяточничеством чиновников и заметной ролью евреев в экономической жизни городов края, что также влияло на реализацию строгих законов.

Ключевые слова: евреи; законы; Сибирь.

Различные аспекты правового положения евреев в России неоднократно становились предметом исследования историков. Этому вопросу уделяли большое внимание еще дореволюционные исследователи. В работе Ю. Гессена анализируется влияние ограничительных законов на жизнь российских евреев во второй половине XIX – начале XX в. [1]. Т.И. Тихонов [2], И.Г. Оршанский [3], Г.А. Белковский [4] изучали законодательство о жизнедеятельности евреев в Сибири. Современные исследователи М.Н. Савиных [5], А.Н. Гончаров [6] уделяли большое внимание действию российских законов в отношении евреев черты оседлости, Л.В. Кальмина [7] рассматривала действие ограничительных законов в отношении поселения евреев в 100-верстной полосе от границы с Китаем. Однако количество разнообразных положений, регулирующих жизнь евреев в Сибири, настолько велико, что заставляет вернуться к изучению. Законы, положения и многочисленные разъяснения нередко противоречили друг другу. При этом губернские власти, принимая дополнительные положения в отношении евреев, усиливали путаницу. В данной статье исследуются законы, определявшие «внутреннюю», «сибирскую» черту оседлости в отношении евреев, поселившихся в Сибири.

В многочисленных законах, положениях и разъяснениях Сибирь рассматривалась как местность, где «в отношении евреев установлены особые правила». Особую группу среди них составляют положения о так называемой сибирской черте оседлости, ограничивающие право свободного передвижения поселившихся в Сибири евреев. Юридически она была введена 11 ноября 1847 г. высочайше утвержденным положением Комитета министров, согласно которому «в отношении к находившимся в Сибири до 15 мая 1837 г. евреям и детям их мужского пола, там родившимся или вместе с ними, по распоряжению правительства, отправленным в Сибирь и достигшим 18-летнего возраста, а равно и женщинам, которым дозволено остаться в местах их жительства, то есть в Сибири, место их поселения должно считаться постоянной для них оседлостью» [8. С. 848–849]. Это положение составило п. 10 примечания 1 к ст. 791 Закона о состояниях, изданного в 1899 г. [9. С. 261]. При этом не оговаривалось, что считать чертой оседлости еврея в Сибири – место его приписки или же всю Сибирь? В дальнейшем неясность положения стала причиной произвольного толкования места проживания евреев.

По закону 1835 г. Сибирь не является территорией постоянного жительства евреев [10. С. 308–323], со-

гласно же мерам для уменьшения числа поселенных в Сибири евреев 1837 г. и закона 1847 г. ссыльные евреи и их родственники должны быть оставлены в местах жительства [11. С. 324–325]. По мысли законодателя того времени, под выражением «место поселения» не следует подразумевать более обширные территории, чем под выражением «место жительства», исходя же из статей 1–10 Устава о паспортах, губерния или совокупность губерний не подходит под определение «место жительства». При этом, говоря о предоставлении торговых прав евреям, законодатель использует термин «место поселения», а не «Сибирь», хотя если бы за евреями признавалось право свободного передвижения по Сибири, то использовалось бы второе понятие как более ясное.

При этом положений, позволяющих евреям переселяться с места жительства в пределах Сибири, в законе не предусмотрено, а высочайшее повеление 5 февраля 1859 г. разрешило евреям, не принадлежащим к числу сосланных и причисленным в Сибири, переселяться лишь в губернии черты оседлости и отлучаться во внутренние губернии с соблюдением правил и ограничений, предусмотренных законом на отлучку евреев за черту оседлости [12. С. 89–90]. Соответственно, законодатель того времени сделал такой вывод: так как Сибирь в данном положении специально не оговаривается, то нельзя думать, что переселение и временные отлучки евреев, причисленных в Сибири, подчиняются правилам, действующим в черте постоянной оседлости. Существующие общие ограничения не отменяются одним только умалчиванием в законе, поэтому необходимо положительное постановление об изъятии Сибири из общих правил. Положительное изъятие было установлено только для отлучек ссыльнопоселенцев-евреев статьей 185 Устава о паспортах [13. С. 43], основанной на высочайше утвержденном мнении Комитета министров 31 июня 1812 г., по которой поселенцам, в том числе и евреям, разрешалось отлучаться в города Томской губернии [14. С. 380–381]. Однако действие этого положения не распространяется на потомков ссыльнопоселенцев, а, соответственно, Сибирь для них, в силу действующих ограничений, не является территорией свободного жительства.

Правоведы XIX столетия отмечали, что право потомков ссыльнопоселенцев на перемещение в Сибирь более стеснено, нежели ссыльных евреев, но зато евреи – потомки ссыльнопоселенцев могли отлучаться в черту оседлости и пользоваться там правом свободного передвижения, а ссыльные евреи были лишены этого права [15. С. 275–276].

Несмотря на эти разъяснения, ни в положении о евреях 1835 г., оговаривающем право свободного переселения с места на место в черте оседлости и там, где им дозволено постоянное пребывание (евреям, сосланным в Сибирь, и их потомкам дозволено было пребывание в Сибири), ни в положении 1847 г. о выдаче торговых свидетельств евреям, находящимся в Сибири, ни в п. 10 примечания 1 ст. 791 Закона о состояниях, на основании которых якобы было ограничено место поселения евреев городом или селением, о таком ограничении нет ни слова. Сенат указом внес коррективы в закон. В дальнейшем в ходе кодификационной переработки положения 11 ноября 1847 г. из него было убрано пояснение о том, что местом поселения евреев является вся Сибирь, что и послужило формальной причиной создания специальной черты оседлости для евреев в Сибири.

До 90-х гг. XIX столетия черта оседлости в Сибири хотя и была введена, но соблюдалась не строго, евреи проживали по всей Сибири, переезжали с одного места на другое, не обращая внимания на место приписки. Исследователь Г.А. Белковский отмечает, что «евреи в Сибири совсем не занимают обособленного положения. В общественной жизни они являются типичными сибиряками, и никто не замечает никакой племенной вражды. Жизнь русских и евреев, частная и общественная, совершенно переплетается...» [4. С. 13]. Местная администрация строго следила лишь за тем, чтобы ссыльные евреи не выезжали за пределы Сибири. В 1850 г. томский еврей Борух Абрамович Жуков обратился к томскому губернатору с жалобой на Томскую городскую думу о невыдаче ему паспорта на проезд в г. Каинск. В ответ на запрос губернатора о причинах Томская городская дума сообщила, что Борух Жуков просил выдать ему паспорт для выезда сроком на один год не только до г. Каинска, но и во внутренние губернии Российской империи, что ему как бывшему ссыльнопоселенцу запрещено [16. Л. 14–15].

В 90-е гг. XIX столетия с началом правления Александра III в рамках ужесточения правительственной политики по отношению к евреям черта оседлости для сибирских евреев начинает соблюдаться более строго. При этом немаловажную роль сыграло и отношение местных властей к представителям данной национальности. К концу XIX столетия евреи начинают играть все более заметную роль в экономике региона, что не осталось без внимания сибирской администрации, которая еще до правительственных разъяснений принимает меры, сдерживающие еврейскую активность.

Например, Тобольский губернский совет в 1888 г. пояснил, что местом оседлости приписанных к обществам в Сибири евреев следует считать только место их приписки, а не всю Сибирь, соответственно, они не могут переселяться из одной сибирской губернии в другую или из одного селения в другое.

Общероссийская администрация в вопросе о праве передвижения евреев внутри сибирского региона поддержала местные власти. Общее собрание Правительствующего сената 26 апреля 1896 г. по делу еврея Мариупольского вынесло постановление, на основании которого впоследствии решались все дела, касающиеся права передвижения евреев внутри Сибири. Просителю Мариупольскому, внуку ссыльнопоселенца Хаима Ма-

риупольского и сыну военного кантониста Якова Мариупольского, причисленного в крестьяне Юдинской волости Томской губернии, губернский совет отказал в совершении крепостного акта на купленную им землю вне места причисления. При подробном рассмотрении жалобы Мариупольского Сенат пришел к выводу, что потомки сосланных в Сибирь евреев, не принадлежащие к категориям евреев, пользующихся особыми привилегиями относительно свободы места жительства, имеют право проживать в Сибири вне места их приписки лишь временно, на основании правил ст. 157 Устава о паспортах, т.е. действия губернского совета были признаны правильными [15. С. 270]. В противном случае евреи получали бы в ссылке большие привилегии, нежели в черте постоянной их оседлости, следовательно, ссылка была бы не наказанием, а преимуществом.

Окончательно специальная черта оседлости для каждого еврея в Сибири установлена была после Указа Правительствующего сената от 24 марта 1897 г. по делу Бронштейна [15. С. 274], с этого времени сибирские евреи практически были прикреплены не столько к месту жительства, сколько к месту, где были приписаны их предки.

Все эти меры поставили сибирских евреев в весьма затруднительное положение, так как в течение многих лет центральные и местные власти рассматривали местом жительства евреев всю Сибирь и не ограничивали право их передвижения внутри региона. Можно сказать, что 90-е гг. XIX столетия – это граница между относительно благополучным и полноправным проживанием евреев в Сибири (если вообще можно говорить о полноправии по отношению к евреям) и началом их «нелегального» существования. Многие евреи давно выехали из мест причисления их предков, обзавелись торговыми и промышленными заведениями, некоторые и вовсе никогда не проживали в местах приписки предков, были рождены и прописаны в другом месте.

Газета «Восточное обозрение» писала о сложившейся ситуации: «...далеко не все евреи, живущие в Мариинске, принадлежат к числу тех, которые приписаны к местному обществу и которые, по закону, имеют право жить в Мариинске. Среди этих, так сказать, контрабандных евреев есть много таких, которые и родились в Мариинске, и никогда не выезжали из Мариинска, знают только один город Мариинск и уже несколько десятков лет ведут какое-либо “свое дело”, чаще всего по “коммерческой части”, полученное по наследству от отца или от деда. Как известно, в настоящее время как из Томска, так и из всех уездных городов Томской губернии такие евреи, а равно их семьи, раз они не приписаны к местным обществам, выселяются по месту причисления... Должна произойти форменная перетасовка» [17]. Что и случилось. Евреев высылала с насиженных мест, при этом ни давность проживания, ни возможное разорение в расчет не брались, в результате со стороны притесняемых последовала масса жалоб с просьбами оставления на прежнем месте жительства. Проживающая в Томске Розалия Васильевна Шписман, двое детей которой обучались в Томской мужской гимназии, вынуждена была выехать в Иркутск, к месту приписки мужа [18. Л. 104]. Мещани-

ну Элию Абрамовичу Вольфу, занимающемуся мелочной торговлей, было предписано выехать из г. Томска в 2-месячный срок, так как его отец Абрам Вольф в 1824 г. был сослан и приписан к Анциферовской волости Енисейского округа и губернии [18. Л. 105].

Высылали евреев даже в преклонном возрасте, например выселению подлежала 60-летняя вдова Ита Менделеевна Бордо, прожившая в Томске более двадцати лет. Дело в том, что она прибыла в Сибирь в 1868 г. вслед за своим сосланным мужем Калтуном, местом приписки которого стал Мариинск. Однако семья переехала через несколько недель в Томск, где Калтун умер, а она вторично вышла замуж за еврея, приписанного к д. Тисуль Дмитриевской волости, но они также проживали в г. Томске и владели недвижимым имуществом. После смерти второго мужа ей было предписано в 2-месячный срок переехать в Мариинск [18. Л. 106–106 об.]. Выселению из г. Томска подлежала и мариинская мещанка Рахиль Мееровна Куцман, прожившая в Томске от рождения 30 лет [18. Л. 113]. При этом на продажу имеющейся у нее собственности давался один месяц, в результате она терпела большие убытки.

В отдельных случаях сибирская администрация, испытывая нужду в разного рода специалистах, разрешала остаться еврею на прежнем месте жительства. В 1894 г. в Томское губернское правление поступило прошение от каинского мещанина из ссыльных Лейзера Гершевича Шнейдермана, которого в 1875 г. Томская экспедиция о ссыльных причислила в мещане г. Каинска, но в Каинске он никогда не был, так как из Томской пересыльной тюрьмы по ходатайству раввина был освобожден в г. Томск, где, получив от каинской мещанской управы паспорт, устроился переплетчиком в типографию Макушина, а затем в томскую городскую типографию. Рассмотрев его прошение, томский губернатор разрешил Шнейдерману остаться на жительстве в Томске при условии, что тот будет работать в Томской губернской типографии [19. Л. 3–6]. В 1904 г. аптекарскому помощнику Арону Айзикмановичу Вольфсону было разрешено остаться в Томске на основании того, что он прошел испытание на звание фармацевта [20. Л. 3]. Нередко при переселении евреи не могли найти себе занятие на новом месте жительства и оказывались в безвыходном положении, становясь бременем для того общества, к которому они были приписаны, причислиться же к новому месту было возможно лишь с разрешения высшей власти.

В целом, по характеристике присяжного поверенного М.И. Мыша, установление сибирской черты оседлости превратило евреев в своего рода «крепостных» [15. С. 276]. Евреи не могли покинуть город, а позже уезд или округ, без специального разрешения, тем самым оказавшись в более затруднительном положении, нежели даже евреи черты оседлости, внутри которой они могли переезжать с места на место.

В последующем право евреев проживать и владеть имуществом только в местах их приписки неоднократно подтверждалось. При этом рассматривался вопрос о границах сибирской черты оседлости. Согласно ст. 327, 333, 423 и 424 Устава о ссыльных, ст. 4 Устава о паспортах издания 1890 г. [13. С. 1], ст. 2. Положения о

видах на жительство 1894 г. местом оседлости является «для мещан – город, посад или местечко, к мещанскому или ремесленному обществу которого они причислены, а для ссыльнопереселенцев и крестьян – волость, к коей они приписаны» [21. С. 3].

Однако закрепление евреев в одном месте тормозило экономическое развитие региона. Евреи играли важную роль в экономике Сибири, являясь необходимыми торговыми посредниками между городом и деревней, нередко выступали пионерами разных отраслей. Прикрепленные к одному месту, они не могли выполнять эти функции, что не могло не сказаться на хозяйственной жизни региона. Кроме того, евреи в рамках своей деятельности вступали в хозяйственные отношения с крупными промышленниками и нередко с казной. Прикрепление к месту приписки также разрушало эти хозяйственные связи. В результате власти постепенно начинают расширять границы сибирской черты оседлости. 14 апреля 1900 г. указом Правительствующего сената сибирская черта оседлости была расширена до округа или уезда. Определением Сената 7 ноября (19 декабря) 1901 г. при рассмотрении вопроса о разрешении евреям проживать вне места их приписки в Сибири вновь было закреплено, что в Сибири местом приписки евреев (соответственно, и местом их жительства) считается тот округ или уезд, к которому еврей причислен и который составляет для него специальную черту оседлости [4. С. 97]. В пределах этой специальной черты он может содержать промышленные заведения [15. С. 274]. Вне этой черты евреи могли проживать временно, на основании ст. 157 Устава о паспортах, для отлучек из общей черты оседлости.

Евреи-ссыльнопоселенцы могли временно отлучаться на промыслы по всей Сибири, но не за ее пределы на основании ст. 185 Устава о паспортах [13. С. 43]. В дальнейшем выходили документы, подтверждающие эти границы: Указ от 8 февраля 1902 г., определение I Департамента Правительствующего сената от 27 февраля 1902 г., от 4 октября 1903 г. № 9590 на имя томского губернатора, от 17 ноября 1903 г., от 22 марта 1907 г. № 3283, от 6 сентября 1907 г. № 8920 [22. С. 225]. Однако власти так и не разрешили свободное перемещение евреям по всей территории Сибири. Более того, периодически местные власти проводили выселения евреев, незаконно проживающих на территории, в места приписки.

В случае тщательного исполнения законов о сибирской черте оседлости, по подсчетам В. Войтинского и А. Горнштейна, выселению из Томска подлежало 800 семейств, имеющих собственность в городе [23. С. 31]. По сведениям томских полицмейстеров, в 1906 г. в г. Томске вне мест приписки, нелегально проживало 426 семейств [24. Л. 1–42 об.]. Однако исполнение законов о выселении евреев в места приписки оказалось на деле задачей более сложной, чем принятие этих законов. Как уже было отмечено, реальные экономические потребности региона способствовали тому, что сибирская администрация находила возможность оставить полезных для края евреев на месте их жительства. Чаще всего разрешение оставить евреев в месте проживания шло с припиской «разрешить дальнейшее временное проживание в г. Томске, впредь до

разрешения общего вопроса о праве жительства евреев». С такой формулировкой было разрешено проживать в г. Томске колыванскому 2-й гильдии купцу Б.Г. Хаймовичу, шадовскому мещанину Ф.П. Каплану, тобольской мещанке Ш.М. Шундровской и др. [24. Л. 57–57 об.]. Иногда власти делали исключение, учитывая и довольно преклонный возраст просителя: 21 мая 1902 г. Томское губернское правление объявило каинскому мещанину Г. Гольдштейну, что согласно высочайшему повелению от 21 июля 1893 г. п. 4 и Указу Правительствующего сената от 11 марта 1899 г. по делу Тульбовича ему разрешено остаться жить в Томске вместе с семьей как имеющему от рода более 70 лет [24. Л. 43].

На процесс выдворения евреев в места приписки оказывала влияние и политическая ситуация. Во время Русско-японской войны выселение евреев было приостановлено в связи с тем, что мобилизации подвергались и те евреи, которые проживали вне мест приписки. Во избежание возможных осложнений их семьи временно также были оставлены на прежних местах жительства. Затягивали евреи выселение и путем предоставления медицинских справок о необходимости проживания и наблюдения в клиниках Томска [24. Л. 76].

Неупорядоченность системы выдачи прав на жительство также помогала евреям обойти закон. Право на жительство вопреки действующему законодательству, как отмечал томский губернатор в 1891 г., можно было получить в городских управах, у мещанских старост и в волостных правлениях, «...что, несомненно, представляется совершенно неправильным и незаконным, так как только полицейское управление, обязавшее наблюдать за правильностью проживания евреев, вправе снабжать свидетельствами на жительство в данной местности», поэтому он распорядился о «прекращении выдачи евреям названными учреждениями подобного рода удостоверений», а полицмейстерам надлежало следить за тем, чтобы во вверенных им участках и округах «вообще не проживали евреи на основании свидетельств, выданных ненадлежащими местами и лицами» [25. Л. 10 об.]. Судя по тому, что подобное предписание в 1893 г. было сделано енисейским губернатором, практика выдачи удостоверений на право жительства различными структурами была распространена повсеместно в Сибири и существовала достаточно долго [25. Л. 10 об.].

Избегать выселения помогала и система взятничества. «Евреи покупали себе облегчение... Последние крохи бедняка уходили на то, чтобы не быть изгнанным с векового места жительства, чтобы не лишиться права на занятие – каждый шаг еврея требовал своей оплаты» [26. С. 135].

Из-за чрезвычайной запутанности законодательства о евреях вообще и о сибирских евреях в частности, а также их умения избегать переписей, выселение представителей этой национальности в места приписки окончательно не было завершено.

Следующее по времени крупномасштабное выселение евреев в места приписки связано с изданием циркуляра П.А. Столыпина от 22 мая 1907 г. № 20. Согласно ему, евреи, проживающие нелегально, выселялись не только за пределы Сибири, но и внутри сибир-

ского региона в места приписки. Этот циркуляр отменил действие всех разрешений, выданных на тот момент губернаторами, поэтому требовалась проверка права жительства каждого еврея, что было довольно сложным делом для полиции.

Проживающему в г. Томске мещанину местечка Каменец-Литовского еврею Хонону-Мееру Абрамовичу-Гиршевичу Старышевскому было объявлено, что он, «ввиду имеющихся о его поведении неблагоприятных сведений, не удовлетворяет требованиям циркуляра от 22 мая 1907 г. № 20, в результате чего подлежит незамедлительному выдворению в место приписки» [27. Л. 23 об.].

Евреи и в этот раз всячески затягивали процесс выселения. В томском архиве сохранилось дело братьев Афроима и Абрама Купершток, проживавших в д. Новошербатовой Каинского уезда Томской губернии. Они занимались покупкой и перепродажей продуктов сельского хозяйства, а также ростовщичеством. Будучи приписанными в мещане Каинска и желая остаться жить в деревне Новошербатовой, они поставили вопрос о принятии их в общество на сельском сходе, где им было отказано. После ухода со схода старосты Куперштоки принесли табак, ведро вина, пряники, в результате, находясь в нетрезвом состоянии, половина членов общества и писарь составили протокол о принятии евреев в свое общество. Дело раскрылось после того, как в протоколе обнаружились подписи тех, кто вообще не участвовал в сходе, и в результате евреи Куперштоки были выдворены в Каинск [28. Л. 4–5].

Нечеткость формулировок циркуляра 1907 г. предоставила большую власть в деле удовлетворения ходатайств сибирской администрации. Как и в предыдущую волну выселений в 90-х гг. XIX столетия, после циркуляра 1907 г. губернские власти не могли контролировать точное исполнение всех существующих законов и предписаний в отношении каждого конкретного еврея. При этом евреи годами проживали вне мест приписки, на основании специально введенной местными властями формулировки «разрешается временно проживать в г. Томске до разрешения общего вопроса о праве жительства евреев». Оставлены в 1908 г. на жительство в Томске были Ицка Моисеевич Безиняк с семьей, Бася Киселевская, переплетчик Управления по переустройству горных участков Сибирской железной дороги Илья Черницкий, Фейга Израилевна Бровик, София Файнерова и др. [29. Л. 4–31].

Из-за чрезвычайной запутанности законодательства прошения евреев об оставлении на жительство в Томске с одинаковой мотивировкой в разных случаях удовлетворялись или не удовлетворялись в зависимости от желания властей. Получить временное разрешение на жительство в г. Томске можно было в случае поступления в учебное заведение или сдачи экзаменов. 14 августа 1907 г. мещанину Иосифу Ефимовичу Аршону было разрешено проживать в Томске на время сдачи экзамена на аттестат зрелости, в августе того же года одесскому мещанину Шмулю Фуксу – для сдачи экзаменов в Томском реальном училище, красноярской мещанке Саре Колмаковой Зельманович, иркутской мещанке Этте Горбуновой, Хае-Фрейде Срулевой – на время обучения в университете и др. [30. Л. 18–31].

Однако 6 января 1909 г. еврейке Тойбе Зубицкой было объявлено, что ее ходатайство о разрешении временно проживать в Томске с целью сдачи экзаменов и обучения в одной из зубоветеринарных школ отклонено, а сама она незамедлительно была выслана в Забайкальскую область в место приписки [31. Л. 7].

Нечеткость законодательства о евреях в Сибири приводила к тому, что даже уездный пристав мог по своему желанию выслать евреев. В 1913 г. евреи, приехавшие отдохнуть на курорт Чемал на Алтае, где до этого они свободно отдыхали, были высланы оттуда на основании решения пристава, что евреи права жительства на алтайских курортах не имеют [31. Л. 108 об.].

20 марта 1917 г. постановлением Временного правительства «Об отмене вероисповедальных и национальных ограничений» черта оседлости была отменена. Вместе с ней прекратили действовать и ограничения на водворение и проживание евреев в Сибири [32]. По сообщению местной прессы, это постановление было воспринято с огромным воодушевлением еврейским населением, «этого доселе бесправного мученика-народа, несшего все государственные тяготы, вплоть до жертвы жизнью на поле брани, но оставшегося в

вечном жестоком гонении. Радость свободы ныне загорится в сердце инородца, и мы верим, что он все принесет на алтарь свободной родившейся России» [32]. Таким образом, евреи были уравнены в правах со всем остальным населением России.

В целом, подводя итог рассмотрению российского законодательства в отношении прав евреев на передвижение внутри Сибири, следует отметить, что на протяжении всего анализируемого периода правительство пыталось соотнести интересы хозяйственного освоения региона со стремлением не допустить расселение евреев по Сибири. Мотивы недопущения в разные периоды истории Российской империи были различными, но все они сводились к стремлению правительства удержать под контролем еврейское население, что на обширных территориях Сибири было весьма сложно сделать. Исходя из собственных экономических интересов и используя противоречивость законов о евреях, губернские власти даже в периоды крупных акций по водворению в черту оседлости оставляли на местах определенный, только одной ей устанавливаемый процент евреев. В результате в Сибири на различных основаниях проживало значительное еврейское население, которое было частью сибирского общества.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гессен Ю. Закон и жизнь. Как создавались ограничительные законы о жительстве евреев в России. СПб., 1911.
2. Тихонов Т.И. Сибирские евреи, их права и нужды // Сибирские вопросы. 1905. № 1.
3. Оршанский И.Г. Евреи в Сибири. Очерки экономического и общественного быта русских евреев. СПб., 1877.
4. Белковский Г.А. Русское законодательство о евреях в Сибири. СПб., 1905.
5. Савиных М.Н. Законодательная политика российского самодержавия в отношении евреев во второй половине 19 – начале 20 в. Омск, 2004.
6. Гончаров А.Н. Развитие российского законодательства о праве жительства и передвижения евреев. Черта еврейской оседлости. Популярный очерк // Сибирский еврейский сборник. 1992. № 1.
7. Кальмина Л.В. Запрет на пребывание евреев в пограничной полосе: сибирский вариант // Евреи в Сибири и на Дальнем Востоке: история и современность: материалы IV регион. науч.-практ. конф. Биробиджан, 25–26 августа 2003 г. / под ред. Я.М. Кофмана. Красноярск ; Биробиджан, 2003. Вып. 4. С. 30–33.
8. Полное собрание законов Российской империи (ПСЗРИ). СПб. : Тип. II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1848. Собрание второе. Т. XXII. Отд. 1. № 21701.
9. Законы о состояниях. Т. 9. Изд. 1899. Ст. 791. прим. 1. п. 10. // Свод законов Российской империи. СПб., 1899.
10. ПСЗРИ. СПб.: Тип. II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1835. Собрание второе. Т. X. Отд. 2. № 8054.
11. ПСЗРИ. СПб.: Тип. II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1838. Собрание второе. Т. XII. Отд. 1. № 10242.
12. ПСЗРИ. СПб. : Тип. II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1861. Собрание второе. Т. XXXIV. Отд. 1. № 34128.
13. Устав о паспортах и беглых. Изд. 1890. Т. XIV. Ст. 185 // Свод законов Российской империи. СПб., 1890.
14. ПСЗРИ. СПб. : Тип. II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1830. Собрание первое. Т. XXXII. № 25169.
15. Мыш М.И. Руководство к русским законам о евреях. СПб., 1904.
16. Государственный архив Томской области (ГАТО). Ф. 104. Оп. 4. Д. 164.
17. Восточное обозрение. 1904. № 103.
18. ГАТО. Ф. 104. Оп. 1. Д. 2570.
19. ГАТО. Ф. 104. Оп. 2. Д. 3284.
20. ГАТО. Ф. 104. Оп. 1. Д. 3359.
21. Положение о видах на жительство. Изд. 1895. Т. XIV. Ст. 2 // Свод законов Российской империи. СПб., 1895.
22. Гимпельсон Я.И. Законы о евреях. Систематический обзор действующих законоположений о евреях с разъяснениями Правительствующего Сената и Центральных правительственных установлений. СПб., 1914.
23. Войтинский В.С., Горништейн А.Я. Евреи в Иркутске. Иркутск, 1915.
24. ГАТО. Ф. 104. Оп. 1. Д. 3556.
25. ГАТО. Ф. 433. Оп. 1. Д. 99.
26. Гессен Ю. О жизни евреев России. Записка в Государственную Думу. СПб., 1906.
27. ГАТО. Ф. 104. Оп. 1. Д. 3747.
28. ГАТО. Ф. 104. Оп. 2. Д. 4360.
29. ГАТО. Ф. 104. Оп. 1. Д. 3626.
30. ГАТО. Ф. 104. Оп. 1. Д. 3596.
31. ГАТО. Ф. 3. Оп. 12. Д. 1393.
32. Голос свободы. 1917. 25 марта.

Статья представлена научной редакцией «История» 2 апреля 2012 г.